

Словенский коммунист Драготин Густинчич в Москве

Словенский политик, публицист, один из крупнейших теоретиков словенских коммунистов 1920–1930-х годов, Драготин Густинчич (1882–1974) провел в эмиграции в Москве 14 лет — с 1931 по 1945 г. В 1920–1930-е годы многие иностранные коммунисты, вынужденные эмигрировать со своей родины из-за политических преследований, нашли приют в СССР, «под крылом» Коминтерна. Среди них были и ставшие впоследствии крупными политическими деятелями социалистической Югославии словенцы Э. Кардель, Б. Кидрич, З. Кидрич, А. Беблер, М. Мачек. Жизнь в СССР, обучение в московских партийных школах способствовали укреплению их идеологии, а также существенно повлияли на переосмысление ими ряда программных установок.

Деятельность Д. Густинчича еще не привлекала серьезного внимания исследователей, а ее московский период вообще является «белым пятном» в его биографии. В статье предпринимается попытка реконструировать этот важный отрезок его жизни на основе целого ряда ценных источников: неопубликованных воспоминаний самого словенского коммуниста, опубликованных мемуаров его жены, журналистских интервью, взятых у его сына, переписки Густинчича с соратниками по партии и других материалов, хранящихся в словенских архивах.

Густинчич был личностью неординарной и многогранной. Родился он в 1882 г. в деревне Горня Кошана (Крас, словенское Приморье). Гимназию посещал в Любляне и Горице, затем продолжил обучение в Вене, Цюрихе и Женеве. Он имел три высших образования: в 1909 г. в Вене получил диплом Высшей сельскохозяйственной школы, в 1916–1917 гг. изучал технику в Цюрихе, в 1918 г. закончил факультет естественных наук

Женевского университета. До Первой мировой войны он работал ассистентом геометра, затем инженером-агротехником в Любляне, являлся владельцем технической фирмы в Триесте (1913–1915 гг.), затем в Любляне (1919–1920 гг.).

Однако главным делом для Густинчича была политическая деятельность: свою жизнь он посвятил борьбе за осуществление идеалов коммунизма. В 1910 г. он стал членом Югославянской социал-демократической партии (ЮСДП)*. В годы Первой мировой войны Густинчич, считавшийся австрийскими властями политически неблагонадежным, эмигрировал сначала в Италию (1915), затем в Сербию и Швейцарию. В эмиграции он сотрудничал с Югославянским комитетом, основанным в 1915 г. в Париже и выдвигавшим целью освобождение югославян из-под власти Габсбургов и их объединение с сербами и черногорцами. В Любляну он вернулся лишь в 1919 г., после образования Королевства сербов, хорватов и словенцев (СХС).

В том же году он стал членом Коммунистической партии Югославии (КПЮ), чья деятельность была запрещена уже в 1921 г. Более 20 последующих лет словенские коммунисты действовали нелегально, в разных партиях и под разными именами.

Густинчич был одним из организаторов компартии в словенских землях и вплоть до 1931 г. работал в центральном партийном руководстве. Как писал в своих воспоминаниях словенский историк, коммунист Ф. Клопчич, он являлся «светлой головой словенского коммунизма, главным его теоретиком после Первой мировой войны, пионером революционного решения национальных проблем нашего народа»¹.

В 1923 г. Густинчич, в то время работавший в Вене в Балканской коммунистической федерации**, первым из словенских коммунистов дал научно аргументированную критику распространенной тогда в Королевстве СХС унитаристской тео-

* ЮСДП была основана в Любляне в 1896 г. Предполагалось, что она объединит социалистов всех югославянских земель Австро-Венгрии, однако фактически вела свою деятельность только на большей части словенских земель, также в Далмации и Истрии. В 1897 г. ЮСДП вошла в состав Социал-демократической партии Австрии (СДПА).

** Балканская социал-демократическая федерация, созданная в 1910 г., в 1920 г. была переименована в Балканскую коммунистическую федерацию и присоединена к Коминтерну.

рии, провозглашавшей существование единого югославянского народа. Он доказывал, что сербы, хорваты, словенцы и македонцы являются четырьмя исторически сформировавшимися, зрелыми нациями, имеющими право на самоопределение, а не «племенами» единого югославского народа. Он предложил, чтобы компартия выступила за образование Дунайско-Балканской федерации республик². В 1923 г. Областной совет КПЮ по Словении выдвинул требование самостоятельности Словении, Хорватии, Боснии и Герцеговины, Македонии и Черногории в рамках Дунайско-Балканской федерации. Вскоре Коммунистическая партия Югославии приняла федералистскую национальную программу.

Сам родом из Приморья, Густинчич болел душой за национальную судьбу словенцев, оказавшихся под властью Италии. В своих статьях по национальной проблематике в 1925 г. он выступил за «полностью свободное самоопределение словенцев, хорватов и итальянцев вплоть до возможного отделения этих народов от Италии и присоединения к другому государству или даже до создания одной или нескольких новых независимых республик»³. Таким образом, он сформулировал «значительную часть программы и тактики словенских (и хорватских) коммунистов ... в Италии»⁴.

Во второй половине 1920-х годов всё чаще стали возникать конфликты между группой старых партийцев, сплотившихся вокруг Густинчича, и молодыми коммунистами (Д. Керманер, Ф. Клопчич и др.) по вопросам тактики партии. В целом нетерпимость и догматизм Густинчича, его нежелание приспособляться к внешним неблагоприятным обстоятельствам и гибко менять тактику партии в зависимости от конкретной обстановки в конце 1920-х годов начали приводить, по мнению Клопчича, к некоторому падению его авторитета в партии.

После введения в Королевстве Югославия монархической диктатуры в октябре 1929 г. на коммунистов обрушились репрессии. Многие лидеры компартии, и среди них Густинчич, были арестованы и посажены в тюрьму, другие эмигрировали. Партийное руководство в Словении практически перестало функционировать. В марте 1931 г. в Белграде состоялся суд

над коммунистами. Примечательно, что из словенских коммунистов оправдательные приговоры были вынесены только четверым (в том числе и Густинчичу), 36 человек приговорили к различным срокам тюремного заключения (эмигрировавших — заочно)⁵. После освобождения Густинчич с семьей перебрался в Вену и затем, получив советскую визу, через Варшаву и Минск, отправился на поезде в Москву. В 1932 г. к нему приехала жена Аница Локар с двумя сыновьями — 11-летним Юрием и пятилетним Илией.

Густинчич в течение двух лет работал старшим инженером в московской организации «Водопровод». Одновременно, с февраля 1932 г. до марта 1936 г., он занимал должность доцента в Коммунистическом университете национальных меньшинств Запада (КУНМЗ), где преподавал математику и теорию национального вопроса. Густинчич также являлся членом Балканского совета Коминтерна. Жил и работал он под псевдонимом Данила Степанович Голубев. Жена Аница сначала работала машинисткой в КУНМЗ, а в 1938 г. была принята в Издательское товарищество иностранных рабочих в СССР (с 1938 г. — Издательство литературы на иностранных языках) переводчицей и редактором текстов на словенском языке. Печатала она и все труды своего мужа.

По воспоминаниям жены Густинчича и его сына Юрия, жизнь в Москве поначалу стала для всей семьи «культурным шоком»⁶. Их потрясали пустые полки в магазинах, очереди, бедность большинства жителей и суровый климат. В Любляне уровень жизни населения был значительно выше. Юрий Густинчич вспоминал, что они не голодали, но жили в очень стесненных условиях («каждая рубашка была на вес золота»). Аница Локар отмечала, что перед их приездом в СССР жена словенского коммуниста Ивана Регента Милка, уже находившаяся в Москве, посоветовала ей в письме взять с собой в эмиграцию «всё, что можно, — от постельного белья до кухонной посуды». Были перевезены в Москву и рабочие инструменты мужа. А Регент, встретивший семью Густинчича на вокзале (сам отец семейства в то время был в командировке в Азии), заявил Анице, что Густинчич «совершил злодеяние, позвав их в Москву»⁷.

Нехватка нужных вещей в дальнейшем отчасти восполнялась благодаря посылкам от друзей из-за границы. Об этом свидетельствуют письма Густинчича. Так, в 1939 г. он просил своего друга словенского коммуниста Л. Кухара прислать ему из Вены некоторые книги, хорошую наливную перьевую ручку и стекла для очков⁸.

Семья Густинчича сначала снимала комнату у семьи Козловых; в 1933 г. поселилась в одной из комнат трехкомнатной квартиры в Балканском переулке, а затем Густинчич получил комнату в Сокольниках. Условия жизни в перенаселенных коммунальных квартирах были трудными, младшему сыну приходилось спать то на пианино, то на столе — в маленькой комнате не хватало места. Наконец, весной 1934 г. жилищные условия Густинчичей существенно улучшились: им выделили две комнаты в общежитии КУНМЗ по адресу: Петроверигский переулок, д. 6/8, кв. 377. Там они жили вплоть до эвакуации из Москвы осенью 1941 г. Отоваривались словенцы в единственном в то время в Москве магазине «Инснаб» («Иностранное снабжение») по карточкам, выдававшимся иностранным специалистам. И это было большой удачей — в «Инснабе» ассортимент товаров был значительно лучше, чем в обычных советских магазинах.

Оба сына Густинчича учились в гимназии им. Карла Либкнехта, преподавание в которой велось на немецком языке. В 1933 г., в письме Л. Кухару, он высоко отзывался о системе образования в СССР: «Школа здесь дает ребенку намного больше, чем у нас»⁹. Дорога в школу пешком по снежным сугробам или в переполненных и часто застревающих трамваях в 20-градусные морозы оказалась для детей суровым испытанием. Юрий проучился в гимназии до конца восьмого класса. Однажды, придя в школу, ученики не увидели ни одного из своих учителей — все они были арестованы. Юрия и Илию перевели в русскую школу¹⁰.

Семью Густинчича поражал диссонанс между уровнем жизни москвичей, по их мнению, очень низким, и высочайшим качеством культурной жизни столицы. Густинчичи часто ходили в театры, кино, консерваторию. Очень любили они

концерты Д.Д. Шостаковича. Впоследствии Юрий Густинчич признавал, что в Москве «в плане культурного развития» он получил больше, чем имел бы, оставшись в Любляне¹¹.

Общался Д. Густинчич по большей части с другими югославскими коммунистами — Б. Кидричем, Э. Карделем, Й.Б. Тито, С. Марковичем. Друзьями его были Ловро Кухар (писатель Прежихов Воранц), И. Регент (правда, в конце 1930-х годов отношения с ним испортились).

В Москве Густинчич продолжал заниматься разработкой экономических и национальных проблем своего народа. В 1933 г. по заданию Коминтерна он написал на немецком языке книгу «Национальная проблема словенцев», которую современные историки считают самым значительным из теоретических исследований словенских коммунистов по национальному вопросу первой половины 1930-х годов¹². В этом труде Густинчич представил основные вехи социально-экономического, политического и национального развития словенского народа и подробно проанализировал положение словенцев и состояние словенского национального вопроса, сложившиеся к началу 1930-х годов в Югославии, Италии и Австрии. Он сделал вывод о том, что словенцы являются полностью сформировавшейся нацией, и в заключительной (седьмой) главе книги выдвинул лозунг осуществления их права на самоопределение и создание собственного государства — Объединенной Словении. По его мнению, следовало создать «независимую, объединенную словенскую рабоче-крестьянскую республику, которая сможет свободно присоединиться к федерации народов, наиболее соответствующей ее экономическим и культурным потребностям»¹³. Словенский исследователь Д. Файдига отмечает, что Густинчич выступал за создание средневропейской республики, которая объединила бы словенцев с австрийцами и хорватами; включение сербских земель в ее состав им не предполагалось¹⁴.

Труд «Национальная проблема словенцев» так и остался в рукописи и через 70 лет вызвал споры у словенских историков. Первая жена Густинчича А. Локар в автобиографической книге «От Аницы до Анны Антоновны», утверждала, что перед отъездом в Испанию в 1936 г. ее муж передал свою рукопись

руководству КПЮ, она попала к Э. Карделю, находившемуся в то время в Москве, и тот издал ее в 1939 г. под псевдонимом «Сперанс». Сама Аница ознакомилась с книгой Карделя уже в 1945 г., по возвращении на родину. «Читаю и не верю своим глазам, — писала она. — Целые страницы материала я лично много раз перепечатывала для Драготина Густинчича». У нее возникло тогда ощущение, будто бы у них с Густинчичем «на самом деле отняли жизнь»¹⁵. В 2001 г. в статье, опубликованной в газете «Дело» («Труд»), А. Пухар утверждала, что авторство знаменитой книги Э. Карделя «Развитие словенского национального вопроса» принадлежало Д. Густинчичу, ссылаясь при этом как на воспоминания А. Локар, так и на одно из последних интервью Й. Б. Тито в 1979 г., в котором он якобы намекнул, что Кардель не являлся автором этой книги¹⁶. Однако историк Ф. Филипич, на основании тщательного анализа обоих текстов, пришел к выводу, что речь идет о двух совершенно разных произведениях, и обвинения Карделя в плагиате не обоснованны. Сын Густинчича Юрий, известный словенский журналист, в интервью, данном им Д. Файдиге в 2004 г., утверждал, что Кардель при написании своей книги использовал материалы его отца, но выводы сделал другие. Если Густинчич считал, что Словения должна иметь свободный выбор — в союз с каким государством ей следует вступить, то Кардель, «безусловно, привязывал ее к Югославии»¹⁷. Как бы то ни было, несомненно, что Кардель, работая над своей книгой, в той или иной степени использовал труд Густинчича.

В том же 1933 г. Д. Густинчич подготовил (вероятно, для Коминтерна) «Материалы к тезисам об экономическом и политическом положении в Словении». Охарактеризовав специфику экономического и политического положения словенцев в Югославии, Италии и Австрии, он выступил за проведение конференции компартий этих стран для разработки их общей политической линии по отношению к словенскому национальному вопросу. Он предложил, чтобы компартии трех стран подготовили манифест, в котором бы провозглашалось право словенского народа на политическое самоопределение¹⁸. В 1934 г. Коминтерн принял решение рекомендовать комму-

нистическим партиям Югославии, Австрии и Италии сделать общее заявление о признании права словенского народа на самоопределение¹⁹, и в том же году они выпустили совместную декларацию, в которой были поддержаны национальные требования словенцев.

И этот труд Густинчича не был опубликован. В своей автобиографии 1939 г. (неизвестно, для какой организации она предназначалась), подписанной псевдонимом «Голубев», он сообщал: «Поскольку партийное руководство во главе с Горкичем* вело себя чрезвычайно враждебно по отношению ко мне, обе эти работы (по национальному и экономическому вопросам. — Л. К.) остались в рукописях»²⁰. Бывшего секретаря ЦК КПЮ Милана Горкича, в числе многих других руководителей КПЮ, расстреляли в Москве в 1937 г. по обвинению в троцкистско-террористической деятельности и шпионаже, поэтому упоминание о плохих отношениях с ним прозвучало как свидетельство политической благонадежности самого Густинчича и, одновременно, важности его трудов, недооцененных Горкичем.

В середине 1930-х годов, после убийства С.М. Кирова, обстановка в Москве всё больше накалялась из-за набиравших силу репрессий. По воспоминаниям А. Локар, их знакомые стали пропадать один за другим: «Вокруг нас начались аресты. Сильная напряженность витала в воздухе, все были очень подавлены». Наступил момент, когда под угрозой оказался и Густинчич. Незадолго до закрытия КУНМЗ в 1936 г. обострились его отношения со студентами, которые в ходе жарких дискуссий обвинили своего преподавателя в «социал-демократическом уклоне», что в те годы было одним из худших политических обвинений. Чтобы разобраться в этой ситуации, руководство КПЮ организовало собрание, на котором выступили обе стороны со своими аргументами. Жене Густинчича, не являвшейся членом партии, подробности не были известны²¹. Кажется, что этот конфликт остался для Густинчича без последствий.

* Горкич Милан (1904–1937, настоящее имя Иосип Чижинский) — югославский политический деятель, секретарь ЦК КПЮ с 1932 по 1937 гг.

Однако вскоре он «по партийному заданию» уехал добровольцем на Гражданскую войну в Испанию. Поскольку ему было уже 54 года и раньше он никогда не проходил военную службу, его назначили на должность начальника почтовой службы и цензора в Интернациональной бригаде и присвоили звание капитана. В начале мая 1939 г. словенский коммунист вернулся из Испании в Москву в состоянии глубокого физического и нервного истощения. «Я и сам не знал, насколько устал, и лишь сейчас это чувствую, когда наступила реакция», — писал он Л. Кухару²².

Восстановив здоровье в санатории в Кисловодске, Густинчич вновь был готов приступить к работе, но тут начались проблемы. Отдел кадров Коминтерна вызвал его на допрос по обвинению в злоупотреблениях служебным положением в Испании. Кто-то из югославских коммунистов написал на него донос — будто бы он перед отъездом из Испании присвоил себе деньги, принадлежавшие группе югославских добровольцев. Второе обвинение — в излишних симпатиях к группе албанских добровольцев — выдвинул один «немецкий товарищ», бывший секретарь Густинчича в Испании. Первое обвинение Густинчич опроверг, предъявив расписку о доставке денег по назначению, второе сняли, получив его объяснения, что он стремился ввести немногочисленную группу албанцев в круг югославов для укрепления югославянской солидарности. Густинчичу даже предложили подать заявление для вступления в ВКП(б), что он и сделал, но, по неизвестным ему причинам, оно было отклонено²³.

И с трудоустройством у Густинчича по возвращении из Испании возникли сложности. КУНМЗ уже закрыли, в Издательство литературы на иностранных языках его на работу не взяли — против этого возражал И. Регент, занимавший там должность редактора югославского отдела²⁴. Густинчич хотел работать в созданном в 1925 г. при Коминтерне Международном аграрном институте в Москве, который занимался исследованием аграрного и крестьянского вопросов в разных странах, анализом аграрной политики коммунистических партий. Возглавлял этот институт один из руководителей Болгарской Коммунистической

партии, близкий друг Георгия Димитрова Васил Коларов. Поскольку специалистов по Югославии в тот момент в институте не было (работавшие там ранее Ф. Филиппович и Дж. Цвийич были репрессированы), просьбу Густинчича удовлетворили. Позже он писал: «Коларов не был мне рад, однако я был туда принят»²⁵. Болгарского коммуниста не устраивало то, что Густинчич в то время еще недостаточно хорошо говорил по-русски, но, узнав, что он пишет на немецком, французском и итальянском языках, Коларов взял его в институт. «Так, наконец, я поступил на ту работу, на которую хотел попасть с самого начала ... и которая наилучшим образом соответствовала моим знаниям и моим политическим устремлениям», — вспоминал Густинчич²⁶. По его словам, он «нашел взаимопонимание» с сотрудниками института, но хороших отношений с его руководством у него не сложилось. Густинчича интересовали прежде всего проблемы развития государственного капитализма в Югославии, имевшие, как он считал, большое значение для анализа политических условий в стране. По данной теме в его распоряжении было, по его мнению, достаточное количество достоверных источников. Однако Коларов поручил Густинчичу заняться изучением югославянской деревни, хотя материалов по этому вопросу в Москве было мало. В результате обе темы так и остались недоработанными — в связи с закрытием института осенью 1940 г.

Осенью 1939 г. Густинчич выступил с инициативой провести в Москве собрание, посвященное 30-летию Тиволийской и Белградской социал-демократических конференций. По его словам, они явились «важным событием в жизни нашего рабочего движения и заслуживают того, чтобы через 30 лет мы оценили их слабые и сильные стороны»²⁷. К тому же некоторые участники этих конференций (в частности, Коларов и Димитров) в то время находились в Москве и могли поделиться своими воспоминаниями. Густинчич написал статью на немецком языке об этих конференциях, в которой «подверг их марксистской критике», и представил ее Коларову. Тот не одобрил ни идею проведения собрания, ни статью Густинчича (который и сам признавал, что у него не хватало необходимых материалов)²⁸. Собрание так и не состоялось.

После закрытия Международного аграрного института его бывших сотрудников распределили в другие учреждения. Густинчич в 1941 г. стал сотрудником сектора славяноведения Института истории АН СССР, где и работал до своего отъезда на родину в 1945 г. Этот сектор, созданный в 1939 г., возглавил член-корреспондент АН СССР, видный ученый-славист Владимир Иванович Пичета (1878–1947), до 1929 г. являвшийся ректором Белорусского государственного университета. Как и многие из его коллег, он был репрессирован в 1931 г. и сослан в Вятку на пять лет. Новому научному подразделению предстояло решить немало важных задач. Во-первых, необходимо было переосмыслить все вопросы, связанные с историей славянства, а также обозначить новые исследовательские проблемы на основе марксистско-ленинской методологии. Во-вторых, в секторе ощущался острый дефицит кадров. Крупных российских славистов в результате эмиграции и репрессий в стране осталось мало, квалифицированных молодых специалистов не хватало из-за прежних гонений на славистику — их еще предстояло вырастить. Поэтому к работе охотно привлекали политических эмигрантов из славянских стран — Чехии, Болгарии, Югославии.

Густинчич так описал свою первую встречу с В.И. Пичетой осенью 1940 г. В сектор пришли три бывших сотрудника Международного аграрного института — сам Густинчич, Отто Фишер из Граца, участник австрийского рабочего движения 1934 г., «человек умный, но без высшего образования». Фамилии третьего Густинчич не помнил. Пичета спросил об их профессиях. «Мне показалось, что он удивился», что к нему в сектор прислали инженера-агротехника и корабельного механика, но «был любезен и ничего не сказал», — писал Густинчич в воспоминаниях²⁹. В 1941 г. он был принят на работу на должность старшего научного сотрудника.

Сектор был небольшим, всего 15–20 человек. Поскольку места в Институте не хватало, сотрудники работали на дому, но встречались очень часто — на различных заседаниях. Раз в месяц проводилось профсоюзное собрание. Деятельность профкома Густинчич оценивал высоко. Особенно удивило его то,

что один из членов профсоюза был обязан заботиться о здоровье сотрудников, навещать заболевших и помогать им, если они в чем-то нуждались. С Пичетой у Густинчича «было очень хорошее взаимопонимание»³⁰. Он дал ему лестную характеристику в своих воспоминаниях: «Пичета, хоть и был очень нервным человеком, являлся чрезвычайно корректным и приветливым начальником, и он превратил сектор славяноведения в настоящую семью научных сотрудников»³¹.

Человек высокообразованный, хорошо знавший марксистскую теорию, к тому же крупный специалист по экономике и национальному вопросу, Густинчич, несомненно, стал ценным приобретением для Института. Он занимался историей Хорватии и Словении, в СССР практически не исследованной. Советская общественность очень мало знала о словенцах, а в отечественной исторической литературе в тот период еще не было даже устойчивого названия этого народа. Показательно, что в начале своей статьи «Словенцы» Густинчичу пришлось сделать примечание, что их, «даже в научной литературе, часто неправильно называют словаками», и далее автор пояснял, что это два разных народа, и еще — что называть словенцев «словенами» «является также неправильным»³².

Накануне Великой Отечественной войны, весной 1941 г., Густинчич пережил личную драму — развод с женой. Аница оставила его и детей и вышла замуж за хорватского коммуниста Божидара Масларича. Впрочем, вскоре Густинчич познакомился с австрийской коммунисткой Розой Траутман, они поженились в Москве в 1943 г., по возвращении из эвакуации, и оставались вместе до конца жизни.

Большинство трудов, написанных Густинчичем во время войны, в период его работы в секторе славяноведения, по-видимому, так и остались в рукописях. Из его работ, опубликованных в этот период, нами пока найдены всего три — брошюра «Словения под игом Гитлера и Муссолини» (август 1941 г.)³³, статья «Словенцы (историческая справка)», опубликованная в «Историческом журнале» в 1942 г.³⁴, и статья «Традиции боевого единства народов Югославии», напечатанная в журнале «Славяне» в 1943 г.³⁵. Эти работы не относятся к разряду серь-

езных исторических исследований и имеют скорее публицистический характер.

В брошюре «Словения под игом Гитлера и Муссолини» Густинчич дает подробную характеристику географического положения словенских земель, социального и экономического развития словенцев, а также их истории. В сущности, он выделяет те же этапы национального развития словенцев, что и современные историки, при этом, согласно марксистской традиции, подчеркивая стремление словенского народа к национальному освобождению и объединению с сербами и хорватами. Автор доказывает, что словенцы, живущие на стыке славянской культуры с романской и германской, являются высококультурным народом и имеют собственные культурные традиции. В этой работе Густинчич впервые в советской исторической науке дал характеристику особенностей жизни словенцев, оказавшихся после Первой мировой войны за пределами Югославии. С большой описал он тяжелое положение словенцев в фашистской Италии, гонения, которым они подвергались. Вместе с тем Густинчич выразил уверенность в том, что фашизм в Словении, как и в других странах, — явление временное; словенцы с помощью СССР «не перестают бороться против общего врага», их национальное освобождение и возрождение недалеки, ибо «фашизм будет разгромлен»³⁶.

Основные тезисы этой брошюры Густинчича вполне соответствовали новому направлению национально-политической пропаганды, выработанному летом 1941 г. после нападения Гитлера на СССР. Разоблачение фашизма и развитие чувств патриотизма и солидарности народов в борьбе против него стали одной из приоритетных задач гуманитарных наук. Специалисты по славяноведению были призваны способствовать укреплению чувства славянской солидарности и показывать в своих работах, что славяне внесли ценный вклад в историю человечества, что они имели высокоразвитую культуру, и им изначально было присуще стремление к свободе. На научной сессии Отделения истории и философии АН СССР 23 сентября 1941 г. в таком ракурсе историю славян рассматривали многие ученые. Густинчич выступил на сессии с докладом «Югославия и гитлеровская Германия»³⁷.

После выхода брошюры о Словении Густинчич по заданию В.И. Пичеты написал брошюру «Борьба хорватского народа за свою национальную свободу» (64 машинописных страницы). Рукопись была положительно оценена Пичетой, который рекомендовал также внести в текст ряд дополнений, что и было сделано автором. Однако эта работа Густинчича так и не увидела свет — «из-за военных условий, а, может, и по другим причинам»³⁸. Пичета посоветовал словенскому исследователю расширить содержание брошюры и написать обширный очерк истории хорватского народа, еще мало изученной в СССР. Густинчич с энтузиазмом взялся за дело и вскоре написал книгу, состоявшую из пяти глав и охватывавшую историю хорватов начиная с древнейших времен и заканчивая современной борьбой против немецкого и итальянского фашизма. В этой работе он представил новую периодизацию истории Хорватии, основанную на главных этапах ее социально-экономического развития. Сектор рекомендовал очерк к печати, но предварительно его отдали на рецензию академику Н.С. Державину. А как известно, последний поддерживал теорию Н.Я. Марра о происхождении славян от готов и этрусков, которую Густинчич отвергал и которую, по его словам, «не одобрял ни один русский историк». Державин дал отрицательный отзыв на очерк, и в результате он не был опубликован³⁹.

Ознакомившись с рукописями Густинчича по национальному вопросу в Югославии, Пичета отметил разнообразие затронутых им тем и проблем и предложил ему рассмотреть какие-нибудь их них более глубоко и представить сектору эту работу в виде диссертации. «Вы потом заняли бы у нас другое положение» ... Подумайте! Для Вас это было бы не трудно», — убеждал Владимир Иванович словенца⁴⁰. От сдачи кандидатских экзаменов Густинчича освободили.

Ученый решил написать диссертацию о Тиволийской и Белградской социал-демократических конференциях и подробно осветить в ней историю югославянского вопроса накануне Первой мировой войны. Пичета посоветовал ему поискать необходимые документы в Институте Маркса-Энгельса-Ленина*, что

* В 1928 г. Институт В. И. Ленина постановлением ЦК ВКП(б) был объединен с Истпартом (Комиссией по истории Октябрьской революции и РКП(б)). В 1931 г. решением

очень помогло Густинчичу, который нашел там много интересных сведений по истории социал-демократических партий (прежде всего, болгарской). Изученные источники позволили ему выявить причины разногласий между балканскими социал-демократами, разрушивших их сотрудничество именно тогда, когда оно было «более всего необходимо». Густинчичу удалось собрать весь материал для будущей диссертации к тому времени, когда Институт истории стал готовиться к эвакуации из Москвы⁴¹.

Хотелось бы упомянуть еще о нескольких эпизодах деятельности Густинчича в Москве в начале войны (до эвакуации). Когда в Югославии возникло партизанское движение, в системе радиостанций Коминтерна, в составе московского радио, была создана радиостанция «Свободная Югославия» (ноябрь 1941 г.) — для пропаганды национально-освободительной борьбы против фашизма и информирования югославянских народов о международных событиях. Передачи велись на сербско-хорватском языке. Густинчич обратился к руководству радиостанции с предложением организовать передачи и на других языках народов Югославии. Аргументировал он свою позицию так: поскольку Югославия — многонациональное государство, то радиовещание исключительно на сербско-хорватском языке с политической точки зрения могло быть воспринято как свидетельство того, «что СССР выступает за централизм в Югославии».

Через несколько дней Густинчичу сообщили, что Радиокomitee принял решение открыть на радиостанции словенскую секцию, предложили ему стать редактором передач на словенском языке и попросили его подобрать для секции сотрудников. Густинчич представил список возможных кандидатур и охарактеризовал каждую из них. Несколько дней он ждал, когда его вызовут, чтобы приступить к работе, и вдруг услышал по радио словенскую речь! Пришел в Радиокomitee и увидел, что предложенные им сотрудники уже работают, но его место отда-

Президиума ЦИК СССР Институт В. И. Ленина был объединён с Институтом Маркса и Энгельса; так появился Институт Маркса — Энгельса — Ленина при ЦК ВКП(б) (ИМЭЛ). В 1953 г. он был переименован в Институт Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина при ЦК КПСС. С 28 марта 1956 г. стал называться Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ИМЛ). Существовал до 1991 г.

но другому словенскому коммунисту — Виктору Колеше. Между тем последний был малообразованным человеком и имел всего пять классов начальной школы. Он работал слесарем — мастером по изготовлению ключей и был профсоюзным деятелем. Неудивительно, что составление текстов передач вызывало у него большие трудности. Густинчич обещал ему помощь в их написании. Впоследствии он сотрудничал с московским радио вплоть до отъезда из СССР, работал в словенской, австрийской и итальянской секциях, иногда ему приходилось вести передачи на четырех языках⁴². Тем не менее неприятный осадок остался. Возможно, Густинчич не был принят на работу в редакцию «Свободной Югославии» из-за того, что одним из активных ее членов в то время являлся Б. Масларич, муж А. Локар.

По воспоминаниям самой А. Локар, ее новое замужество оказалось ощутимым ударом для Густинчича, поскольку развязало руки его врагам. Б. Масларич, тогда довольно влиятельный человек в Коминтерне, испытывал по отношению к нему крайнюю неприязнь. В начале октября 1941 г. Густинчичу предложили от имени словенцев выступить с речью об образовании Всеславянского комитета, однако в результате эту речь произнес И. Регент. Не стал Густинчич и членом Всеславянского комитета из-за того, что Б. Масларич отверг его кандидатуру и поддержал кандидатуру И. Регента⁴³.

Разумеется, было бы упрощением считать все эти неприятные эпизоды следствием личных отношений Масларича и Густинчича. Скорее они были проявлением общей тенденции — руководство КПЮ к началу 1940-х годов уже ориентировалось на более молодое поколение коммунистов, и Густинчича постепенно стали отстранять от участия в важнейших мероприятиях.

Осенью 1941 г. Густинчич с младшим сыном Илией уехал в Ташкент, куда эвакуировали сектор славяноведения Института истории. Старший сын Юрий, уже студент Московского университета, вместе с однокурсниками отправился в Ашхабад. В Ташкенте, несмотря на перенесенную им осенью 1942 г. тяжелую болезнь — крупозное воспаление легких, Густинчич в апреле 1943 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Балканский союз 1912–1913 гг.». На русский язык диссертация-

цию перевела сотрудница сектора Л. В. Разумовская. По словам самого Густинчича, «защита вылилась в настоящую манифестацию в поддержку южнославянских и балканских народов». А через несколько дней он срочно вылетел самолетом в Москву, куда его вызвали для участия в III Всеславянском митинге⁴⁴.

По возвращении в Москву Густинчича ждал неприятный сюрприз — в его квартире поселился инженер, эвакуированный из Ленинграда, а все книги и вещи пропали (их вывезли, когда в доме лопнули трубы). На некоторое время его как делегата митинга разместили в гостинице «Москва». Через месяц квартиру вернули, вещи он разыскал, но личная библиотека, которую он собирал много лет, пропала, что, конечно, создало Густинчичу дополнительные трудности в научной работе.

9 мая 1943 г. Густинчич принял участие в III Всеславянском митинге. Вместе с другими его участниками он подписал «Манифест славянским народам». Однако на следующий день по радио от имени словенцев вновь выступил И. Регент, а Густинчичу поручили говорить от имени хорватов.

Вскоре из Ташкента вернулся и сын Илия, в 1943 г. в Москве он закончил школу. Густинчич продолжал работать в секторе славяноведения. Он отмечал, что после защиты диссертации его «положение улучшилось»: зарплата увеличилась, к тому же, стало проще получать подработки. Поскольку историю южных славян на историческом факультете МГУ уже преподавал Б.Т. Горянов, В.И. Пичета, заведующий кафедрой истории южных и западных славян, созданной в 1939 г., предложил Густинчичу место преподавателя сербско-хорватского языка. В весеннем и зимнем семестре 1944 г. Густинчич работал в университете в должности доцента. Он не только преподавал студентам (8–10 чел.) сербско-хорватский язык, но и разъяснял им различия между ним и словенским языком. Он отмечал: «Студенты регулярно посещали мои лекции и проявляли живой интерес к нашим языкам и истории южных славян».

Показателен перечень работ, выполненных Густинчичем в 1944 г.⁴⁵. Он написал статью «Балканский союз и Россия» и выступил с докладом на эту тему на заседании сектора. Пичета охарактеризовал этот труд как «интересное исследование око-

ло 3 п. л., основанное на тщательном изучении официальных документов, а также современной печати различных партийных направлений». Работа была написана для сборника «Россия и южные славяне», так и не увидевшего свет. По истории Словении Густинчич написал около 4,5 а. л., но работа его не была закончена — «за отсутствием материалов в библиотеках». Кроме того, в 1944 г. им были написаны: брошюра «Югославия» — географическо-экономическо-исторический очерк, более 20 статей для заграничных газет, доработана брошюра «Хорваты и национальная их политика» (3 а.л.). Пичета упоминает и о написании Густинчичем в первой половине 1944 г. статьи «Традиции совместной борьбы чехов и южных славян». В издательство Академии наук была сдана написанная им «История Хорватии», но до публикации дело так и не дошло. Помимо этого он перевел на словенский язык «ряд важнейших документов» — приказы Сталина, Конституцию СССР и др. Вёл Густинчич и общественную работу — исполнял обязанности профорга (профсоюзного организатора) сектора, читал лекции на тему «Югославия» в партийном кабинете в Кунцеве и в Лефортовской больнице. Активное участие принимал он и в деятельности Всеславянского комитета.

Весной 1944 г. черногорскому коммунисту, сотруднику «Свободной Югославии» В. Влаховичу и Д. Густинчичу поручили подготовить для Политиздата информативную брошюру о Югославии объемом 4—5 п.л. Влахович вскоре отказался от написания своей части работы, сославшись на нехватку времени. Густинчич один написал брошюру и в октябре заключил договор с издательством. Но затем его руководство уведомило Густинчича, что не сможет издать его труд, а напечатана будет брошюра русского автора. Впрочем, 60 % гонорара ему всё же выплатили. Когда вышла другая брошюра о Югославии*, Густинчич оценил ее негативно. Он счел, что издательству был нужен чисто пропагандистский, популяризаторский текст «без какого-либо глубокого экономического, исторического и политического анализа».

* Фамилию автора и название брошюры Густинчич не смог вспомнить, и установить их пока не удалось.

Но на этом история с брошюрой не закончилась. Через месяц Густинчичу позвонила секретарь Всеславянского комитета и предложила выкупить у него рукопись за ту цену, которую он бы получил, будь она издана. Оказалось, что собранные в ней материалы потребовались сотруднику комитета, собиравшемуся в поездку в США — для пропаганды среди югославянской эмиграции. Когда Густинчич отказался продать свою работу, ему пригрозили, что в таком случае дело будет разбираться в партии. Однако решения своего словенский коммунист не поменял⁴⁶.

Это был последний научный труд, написанный им в СССР. На 1945 год была запланирована разработка Густинчичем «темы первостепенной научной важности» — написание работы «Балканские войны 1912—1913 гг.» объемом 8—10 а. л.⁴⁷. Однако этим планам не суждено было осуществиться в связи с отъездом Д. Густинчича на родину. Сектор, как с сожалением отметил В. И. Пичета, лишился крупного специалиста, ценного научного сотрудника⁴⁸.

Осенью 1944 г. многие славянские эмигранты, жившие в Москве, с волнением ожидали возможности вернуться на родину. Густинчич вспоминал: «Мы говорили только о возвращении домой... Нигде я не чувствовал себя дома в такой степени, как в СССР, но — я был эмигрант»⁴⁹.

И начались его попытки связаться с виднейшими деятелями КПЮ, приезжавшими в Москву, чтобы определить дату своего отъезда и дальнейшие перспективы работы. Вскоре после освобождения Белграда (20 октября 1944 г.) в Москву приехал Э. Кардель. Он провел встречу с представителями югославской эмиграции, но Густинчича на нее не позвали. Последнему не были понятны причины такого пренебрежения, поскольку у него «не было никаких личных ссор с Карделем», хотя разногласия по политическим вопросам имелись. С посетившим Москву несколько позже М. Пияде Густинчичу встретиться удалось, но интереса к его работам тот не проявил. Наконец, в январе 1945 г. в Москву приехала югославская миссия во главе с М. Джиласом, о котором говорили, что он «очень влиятельный человек» в партии. Поскольку Густинчич был лично знаком с одним из членов миссии, А. Хербрангом (когда-то они вместе

отбывали срок в белградской тюрьме и симпатизировали друг другу), он решил встретиться с ним и узнать, «что происходит в партии». И был очень разочарован тем, что под предлогом занятости и усталости Хербранг отказался от встречи с ним. Тогда Густинчич решил обратиться напрямую к Джиласу, с которым до того не был знаком лично. Подойдя к нему в коридоре Коминтерна, он высказал свое желание поскорее вернуться домой, ведь там «так много нужных и полезных дел и так не хватает работников». В воспоминаниях Густинчич отметил: «Он выслушал меня без особого интереса, не задал мне ни одного вопроса и в конце концов отделился от меня расплывчатыми обещаниями... У меня было ощущение, будто я встретился не с товарищем, а с человеком, чувствующим себя неизмеримо выше всех других, конечно, и меня тоже»⁵⁰. Сопоставив это явное пренебрежение к нему со стороны новой партийной элиты с другими неудачами последних лет, Густинчич пришел к справедливому заключению, что в нем больше «не нуждались» и считали его «лишним»⁵¹.

Потянулись томительные дни ожидания отъезда на родину. В секторе славяноведения Густинчич в 1945 г. уже не работал, и ему совестно было приходиться в Институт за зарплатой, хотя никто не попрекал его этим. Наконец, в середине марта 1945 г. 30 югославских эмигрантов (среди них Густинчич и Регент) вместе с югославской танковой бригадой были отправлены на поезде в Белград. Оттуда, после официальных ужинов с Тито, а затем и с Карделем, Густинчич и Регент на самолете вылетели в Словению. Так через 14 лет словенский коммунист вернулся на родину.

Там он вскоре занял должности декана и профессора на экономическом факультете Люблянского университета. В 1948 г., из-за поддержки им политики Сталина и резолюции Информбюро, Густинчич был исключен из рядов КПЮ и осужден на тюремное заключение, которое отбывал вместе с женой с 1948 по 1951 гг. на Голем Отоке. В 1951 г., в связи с плохим состоянием здоровья, 69-летнего Густинчича выпустили на свободу. Ему вернули партийный билет, но в политику возврата уже не было. Умер Д. Густинчич в 1974 г. в Любляне. Его заслуги и

вклад в теорию национального вопроса были забыты. Во времена СФРЮ пресса вспомнила о нем лишь дважды: короткие заметки о Густинчиче появились в словенских газетах в 1972 г., когда он отмечал свой 90-летний юбилей, и в 1974 г.⁵², когда он умер. Затем, в начале 2000-х годов, произошел всплеск интереса к его личности в связи с публикацией воспоминаний его бывшей жены А. Локар, когда журналисты оживленно принялись муссировать вопрос об авторстве книги «Развитие словенского национального вопроса». Недавно теоретические изыскания по национальному вопросу, проводившиеся Густинчичем в 1930-е годы, были рассмотрены современным словенским ученым Ю. Перовшеком. И это всё. Никто из исследователей всерьез не занимался изучением его жизни и деятельности.

Д. Густинчич в целом сохранил теплые воспоминания о Москве, хотя жить и работать там в годы репрессий было не просто. В последние годы пребывания в Москве он испытал много разочарований. Хотя Густинчич и избежал страшной участи, постигшей многих его соратников по партии, угроза нависала и над ним. Кроме того, уже с середины 1930-х годов он постепенно терял свои позиции одного из ведущих теоретиков КПЮ, усиливались расхождения между ним и новыми лидерами партии по политическим и национальным вопросам, а в начале 1940-х годов его, похоже, вообще отодвинули на задний план.

Высокообразованный и талантливый человек, Густинчич много и плодотворно работал, написал ряд трудов по экономике и национальному вопросу. Он внес свою лепту и в развитие славяноведения в СССР. Не имея гуманитарного образования, он профессионально писал на исторические темы, причем, проявил себя как специалист широкого профиля, способный охватить большой круг проблем истории не только словенцев, но и хорватов, сербов, чехов. В СССР Густинчич стал первым специалистом по словенской истории, проложившим путь другим исследователям. И очень жаль, что большинство трудов, написанных им в те годы, так никогда и не были опубликованы.

Примечания

¹ *Klopčič F.* Desetletja preizkušenj. Ljubljana, 1980. S. 343.

² *Ibid.* S. 139.

³ *Ibid.* S. 212.

⁴ *Ibid.* S. 213.

⁵ *Ibid.* S. 393.

⁶ *Lokar A.* Od Anice do Anne Antonovne. Ljubljana, 2002. S. 94; *Fajdiga D.* Monografija Jurija Gustinčiča. Diplomsko delo. Univerza v Ljubljani. Fakulteta za družbene vede. Ljubljana, 2005. S. 10.

⁷ *Lokar A.* Op. cit. S. 90.

⁸ Arhiv Republike Slovenije (далее — SI AS) 1667. Gustinčič Dragotin. F. 1. M. 1. Д. Густинчич — Л. Кухару. Москва, 27.05.1939.

⁹ SI AS 1667. Gustinčič Dragotin. F. 1. M. 1. Д. Густинчич — Л. Кухару. Москва, 23.04.1933.

¹⁰ *Fajdiga D.* Op. cit. S. 10.

¹¹ *Ibid.* S. 10–11.

¹² *Perovšek J.* Gustinčičev Das nationale Problem der Slowenen // Samoodločba in federacija. Slovenski komunisti in nacionalno vprašanje 1920–1941. Ljubljana, 2012. S. 197.

¹³ *Ibid.* S. 216.

¹⁴ *Fajdiga D.* Op. cit. S. 9.

¹⁵ *Lokar A.* Op. cit. S. 109.

¹⁶ *Puhar A.* Ali bi k Speransu sodil še Anin, Alfa, mogoče Bor? // Delo. Ljubljana, 29.08.2001. Leto XLIII. Št. 198. S. 16.

¹⁷ *Fajdiga D.* Op. cit. S. 9.

¹⁸ SI AS 1667. Gustinčič Dragotin. F. 1. M. 1. Dragotin Gustinčič. Material za teze h gospodarskemu in političnemu položaju v Sloveniji, sestavljeno začetkom 1933.

¹⁹ *Kacin Vohinc M., Pirjevec J.* Zgodovina slovencev v Italiji 1866–2000. Nova Revija, Ljubljana, 2000. S. 25–28.

²⁰ SI AS 1231. Klopčič France. Dragotin Gustinčič. Curriculum vitae. Von Danil Stepanowitsch Golubev — Gustinčič Dragotin. Moskau, 28. August 1939. Передано лично Ф. Клопчичу 27.9.1972.

²¹ *Lokar A.* Op. cit. S. 108.

²² SI AS 1667. Gustinčič Dragotin. F. 1. M. 1. Д. Густинчич — Л. Кухару. Москва, 27.05.1939.

²³ *Gustinčič D.* Spomini (rokopis). III knj. Moja tretja emigracija. IV poglavje. Zopet v Sovjetski zvezi. Ljubljana, 1959–1964. S. 7–11. / Biblioteka Slovenske akademije znanosti in umetnosti, Ljubljana. Šk. R 105/II.

²⁴ *Lokar A.* Op. cit. S. 121–122.

²⁵ SI AS 1231. Klopčič France. S. 23. Dragotin Gustinčič. Podatki za biografijo ing. Dragotina Gustinčiča tov. Fr. Klopčiču. Ljubljana, 18. Septembra 1972. S. 21 (далее — SI AS 1231 Klopčič France. Dragotin Gustinčič. Podatki za biografijo).

²⁶ *Gustinčič D.* Spomini (rokopis). III knj. IV poglavje. S. 12.

²⁷ *Ibid.* S. 20.

²⁸ *Ibid.* S. 20–21.

- ²⁹ *Gustinčič D.* Spomini (rokopis). III knj. IV poglavje. S. 24.
- ³⁰ SI AS 1231. Klorčič France, Dragotin Gustinčič. Podatki za biografijo. S. 22.
- ³¹ *Gustinčič D.* Spomini (rokopis). III knj. IV poglavje. S. 29.
- ³² *Густинчич Д.* Словенцы (историческая справка) // Исторический журнал. М., 1942. № 3. С. 155.
- ³³ *Густинчич Д.* Словения под игом Гитлера и Муссолини. ОГИЗ, Госполитиздат, 1941.
- ³⁴ *Густинчич Д.* Словенцы. С. 155–159.
- ³⁵ *Густинчич Д.* Традиции боевого единства народов Югославии // Славяне. М., 1943. № 7. С. 35–37.
- ³⁶ Там же. С. 24.
- ³⁷ *Досталь М.Ю.* Как Феникс из пепла... Отечественное славяноведение в период Второй мировой войны и первые послевоенные годы. М., 2009. С. 166.
- ³⁸ *Gustinčič D.* Spomini (rokopis). III knj. IV poglavje. S. 40.
- ³⁹ Ibid. S. 44.
- ⁴⁰ Ibid. S. 47.
- ⁴¹ Ibid. S. 48–50.
- ⁴² Ibid. S. 50–53.
- ⁴³ Ibid. S. 54; *Lokar A.* Op. cit. S. 145.
- ⁴⁴ *Gustinčič D.* Spomini (rokopis). III knj. IV poglavje. S. 72.
- ⁴⁵ *Горяинов А.Н., Досталь М.Ю.* Документы к истории отечественного славяноведения 40-х годов XX в. // Славистика СССР и русского зарубежья 20–40-х годов XX века. М., 1992. С. 116, 119, 142.
- ⁴⁶ *Gustinčič D.* Spomini (rokopis). III knj. IV poglavje. S. 83–87.
- ⁴⁷ *Горяинов А.Н., Досталь М.Ю.* Указ. соч. С. 121.
- ⁴⁸ Там же. С. 123.
- ⁴⁹ *Gustinčič D.* Spomini (rokopis). III knj. IV poglavje. S. 88–89.
- ⁵⁰ Ibid. S. 92–93.
- ⁵¹ Ibid. S. 90.
- ⁵² *Modle L.* Zapisek o življenju ing. Dragotina Gustinčiča // Delo. Sobotna priloga. Ljubljana, 17.08.1974. S. 20.